

В нынешнем году событиям, о которых здесь пойдет речь, минет уже 75 лет. А впервые эту историю я услышал от своего отца — Павла Ильича Романова. Тогда, в семидесятых годах прошлого века, он написал об этом небольшую статью в местной газете. Работая в 1980-е годы в Воронежском партийном архиве, я нашел документы периода оккупации Богучарщины в годы Великой Отечественной войны, более подробно рассказывающие о комсомольцах-партизанах. Неоценимую помощь тогда оказала мне работник архива Л. Выставкина. Затем с краеведом Эдуардом Соларевым мы побывали в селе Лебединка, где записали рассказы очевидцев о произошедшем на диктофон. Мне помогали и сотрудники Богучарского краеведческого музея, которые отыскиали письма Владимира Сыроваткина; жители села — выпускница Богучарского педагогического училища, учительница Ольга Павловна Ушакова, Николай Ильич Старков, Владимир Николаевич Касаткин, рассказавшие о пережитом. А полковник запаса Валентин Васильевич Кухтин разыскал могилу Олега Дробного...

В итоге стала известной еще одна страница той великой войны, за победу в которой люди не щадили своей жизни.

1942 год на Богучарщине выдался тревожным. И если поначалу еще казалось, что война гремит где-то далеко, то в разгар лета она неотвратимо ступила на порог...

Наши войска с боями отходили к Дону. По дорогам тянулись бесконечные колонны отступающих солдат. Немало местных жителей, в том числе и из хуторов Попасное и Перекрестово, эвакуировались на восток. А вот семьи Орловских и Сыроваткиных остались в хуторе, остался и Олег Дробный.

В середине июля Ким Чеченев встретил друзей: Никифора Кривобородова,

Мишу Курдюкова, Никиту Жиликова и с волнением сообщил, что командир отступающей части сообщил отцу о прорыве фронта и приближении немцев.

— Что делать?

Разгорелся спор: уходить за Дон или оставаться.

— Я останусь. С врагом и здесь можно бороться, — твердил Михаил.

Спор прервал подошедший к ребятам отец Кима — Иван Яковлевич.

— Сынок, — сказал он, — пришли бумага из райкома комсомола и военкомата. В них указывается, что комсомольцам и допризывной молодежи нуж-

но отойти за Дон. Быстро собирайтесь! Я подготовил лошадей с повозкой.

Сборы были недолгими. Через два часа длинная вереница людей и подвод с нагруженными на них вещами уже ехала по степи далеко от хуторов. Взрывы снарядов стали слышны все ближе, поэтому лошадей пришлось бросить. Взяли самое необходимое — продукты и одежду. Вскоре оказались у Терешковской переправы. Там творилось что-то невообразимое: так как на понтонах все не помещалось, кто-то преодолевал Дон вплавь, держась за деревянные чурки, кого-то перевозили на лодках. К вечеру добрались до села Березняги, где и остановились на жительство.

Через несколько дней их разыскала председатель колхоза имени Тельмана Анна Герасимовна Князева, которая тоже эвакуировалась. Она сообщила, что видела здесь, за Доном, первого секретаря Радченского райкома партии Якова Ивановича Цыбина. Он формирует партизанской отряд, командовать которым поручено секретарю райкома партии Михаилу Ивановичу Гениевскому.

На другой день ребята нашли расположение штаба и встретились там с Цыбиным и Гениевским.

— Мы хотим записаться в отряд, — сказал Ким.

— Вы еще слишком молоды, и в отряд мы вас не возьмем, — ответил Цыбин.

— Ну что ж, — упрямылся Ким, — раз так, то будем действовать самостоятельно.

Яков Цыбин долго раздумывал, совещался с секретарем райкома комсомола. Потом Кима отдельно пригласили на беседу и сказали, что ребят включили в состав отряда, а он среди комсомольцев назначается главным. Условились, что об этом никому нельзя говорить, даже родителям.

Сразу же Киму было дано первое задание: нужно было тайно пробраться на оккупированную территорию, изучить обстановку в тылу врага.

Ночью Ким Чеченев переплыл Дон и поутру, обсохнув, отправился в свой

опасный поход по оккупированной территории. В течение нескольких дней он обходил ближайшие села и хутора, запоминал названия, номера и расположение воинских частей. На плохо одетого паренька мало кто обращал внимание. Собрав нужные сведения, он благополучно перешел линию фронта. Яков Иванович похвалил Кима за работу. Теперь задание получили все ребята — обосноваться в хуторе Попасное, передавать сведения через связного.

Ким, Михаил и Никифор вернулись в хутор. Ребята добросовестно выполняли задания, собранные данные оставляли в тайниках Мышкиного леса. Туда же к ним приходили и посланцы из партизанского штаба.

Вскоре ребята освоились и осмелели до такой степени, что собирать разведданные им показалось даже чем-то будничным. По окрестностям они видели много брошенного оружия, собирали его и прятали в лесу. К этому привлекли многих сельских ребят. Только двенадцатилетний Петр Жилияков принес в лесной схрон несколько автоматов и десятки дисков.

В это время на всей территории оккупантами был установлен «новый порядок».

Осенью недалеко от Первомайского совхоза Радченского района был размещен лагерь военнопленных, где содержалось до полутора тысяч человек. По рассказам жителей села Лебединка, их ежедневно гоняли под дулами автоматов на строительство узкоколейной железной дороги. Ее тянули от станции Шелестовка до Богучара. За малейшую провинность их жестоко избивали, лишали еды. Однажды продукты, которые местные жители принесли пленным, фашисты-охранники собрали и отдали собакам.

Работа для ослабевших, истощенных людей была практически непосильной: они вручную делали насыпь для узкоколейки, носили рельсы и шпалы на расстояние трех и больше километров. Обессиленных или просто упавших на землю били прикладами и палками,

кидали в карцер. Кроме того, фашисты добывали, а то и закапывали еще живыми тех, кто просто уже не мог ходить от истощения. Как стало известно уже после войны, уничтожением пленных руководил полковник СД Пилиц Франц.

На сельском сходе в селе Лебединка, где присутствовали ребята, комендант Радченского района майор Ангис сообщил, «что районным старостой желает быть Пантелей Петрович Бондарев и что, дескать, «мы ему доверяем». Директором машинно-тракторной станции Радченского района была назначена Александра Алексеевна Левченко (раньше она была членом ВКП(б). Директором Первомайского совхоза стал механик Сергей Иванович Романов. В селе и хуторах появились местные полицаи. Николай Бондаренко и Петр Гвозденко, которые жили на одной улице с Олегом Дробным и Михаилом Курдюковым, тоже пошли в полицаи. Петр Гвозденко был до этого директором Марьевской МТС, к тому же еще и членом ВКП(б). Для ребят это было шоком. Ведь с Колькой Бондаренко они учились в одной школе. А теперь, выходит, стали врагами.

Однажды в конце осени в селе Лебединка появился незнакомец. Вечером он подошел к Олегу Дробному и представился инструктором Воронежского облисполкома Сергеем Баранниковым. Олег недоверчиво спросил: «Чем докажешь?» Сергей показал ему удостоверение. Затем стал убедительно говорить, насколько необходимо из комсомольцев создать партизанский отряд и что для этого нужно сделать. При этом просил никому не рассказывать про его визит, а связь с Олегом он будет, дескать, поддерживать лично.

На другой день Олег подошел к Киму и рассказал про встречу с Баранниковым. Ким, выслушав все, произнес: «А не провокатор ли? Ну, я узнаю через связного...»

В начале ноября 1942 года Киму поступили сведения от комиссара партизанского отряда Цыбина о положении дел на фронтах, сообщалось также и о

том, что Баранников действительно работал в облисполкоме. Но вот какой-нибудь явности о его задании по созданию партизанского отряда не было. Посоветовавшись, ребята решили связь с Баранниковым будут держать через Олега, и предложили ему создать свой отряд под командованием Сергея Баранникова. А для начала сговорились выпустить листовку к празднованию Великой Октябрьской революции. Листовку написали от руки в 12 экземплярах и расклеили в селах Радченское и Лебединка.

В листовке сообщалось: «Дорогие товарищи! Поздравляем вас с днем Октябрьской Социалистической революции! Вся страна отмечает этот день своими достижениями. Давайте и мы помогать освобождению района от фашистов. А чем? Прячьте хлеб, масло и остальные продукты питания. Прячьте теплые вещи. Немцы говорят, что эти вещи для военнопленных. Не верьте немцам! Режьте телефонные провода, поджигайте немецкие склады и дома с немцами. Товарищи! Во избежание жертв среди мирного населения ройте себе бомбоубежища. Оказывайте всяческую поддержку партизанам и красным разведчикам...»

На следующее утро полицаи бегали по селам и срывали листовки. Никто не подумал, что это сделали ребята. Все подозрение пало на партизан. Итальянцы знали, что в Радченком районе есть партизанский отряд «Народный мститель». Он был сформирован из комсомольцев Радченского района, командовал отрядом Н.К. Романов.

В то время в окрестных лесах и хуторах скрывалось также немало солдат, не сумевших при отступлении перейти линию фронта. Встречаясь с местными жителями, в том числе с ребятами, они не раз заводили разговор о том, что надо бы организовать партизанский отряд, найти оружие и боеприпасы. И однажды ребята сознались, что оружие есть, и показали, где оно спрятано.

С того времени на дорогах немцы начали попадать под обстрелы. Это их насторожило. В центрах сел Радченское,

Лебединка и хуторах Попасном и Варваровке итальянцы расклеили по приказу немецкого командования «Воззвание к местному населению района, занятого германскими войсками». В нем говорилось: «Каждое содействие или попытка в содействии партизанам в получении ими продовольствия, одежды или предметов всякого рода, а также всякое сношение с партизанскими бандами или выдача всякого рода сведений карается высшей мерой наказания. Смертная казнь последует немедленно — будут повешены... Высшее командование».

В начале зимы 1942 года в селе Лебединка состоялось собрание, на которое согнали всех жителей окрестных хуторов. Комендант Радченского района Кислинг рассказывал о «новом порядке»: «Совхозы и колхозы не оправдали себя и с 1 января 1943 года будут ликвидированы». Немцы планировали ввести частное землевладение, рассчитанное на кулаков и помещиков. Землю планировалось разделить по количеству едоков-мужчин. Каждые 10 дворов должны были иметь старшего — десятника. «Из числа «лучших людей» создаются особые десятки, которые получают наилучшую землю, скот и инвентарь колхозов (недостающее количество инвентаря, скота, по словам Кислинга, будет завезено дополнительно). Остальным жителям — «лодырям» — предоставлено право честно работать, подняться до разряда «лучших», после чего им также будет оказываться «помощь». По словам Кислинга, «львиная доля доходов будет оставаться у землевладельцев», и только «незначительные проценты пойдут в пользу немецкого государства». Особенно распилился на собрании Петр Гвозденко, который постоянно кричал на сельчан и угрожал расправой.

После собрания ребята собрались, чтобы обсудить план дальнейших действий. Михаил Курдюков предложил убить полицая Петра Гвозденко, но его не поддержал Ким, мол, потом им точно не избежать репрессий, а кто останется в таком случае на подпольной работе?

Однако прямых столкновений с оккупантами и полицаями избежать не удалось. Уже в начале декабря в хуторе Криничное Ростовской области, находившемся по соседству с Попасным, в облаву попала группа молодежи из близлежащих хуторов и сел. В перестрелке был убит один из полицейских и ранен Олег Дробный.

А произошло это так.

Накануне 8 декабря Владимир Сыроваткин под предлогом взятой гитары пошел на хутор к Орловским. На пороге дома его встретила Вера.

— Ты чего пришел? — спросила она.

— Да за гитарой, — ответил Владимир.

Вера проводила его в дом, напоила чаем. Отдала гитару и напоследок сказала:

— Не приходи больше! Ты же знаешь, Олегу это не нравится.

Владимир двинулся в направлении Попасного, но не успел отойти от Манькова, где жила Вера, как навстречу ему на лошади подъехал полицай Гвозденко.

— Ты зачем ходил в Маньково и куда идешь сейчас? — бросил он, не слезая с лошади.

— Домой иду, не видно, что ли, — резко ответил Владимир.

— Дерзишь? Ты чего там забыл, спрашиваю?! — крикнул Гвозденко и потянулся за карабином.

Полицай хотел, видимо, пристрелить давно надоевшего ему сына бывшего заведующего отделением совхоза.

Владимир опустил руку в карман, там лежала граната-«лимонка». Полицай, почувствовав опасность, натянул уздечку.

— Ну, ладно, еще поквитаемся, — бросил он и поскакал в сторону Маньково.

— Поквитаемся, — бросил вдогонку ему Владимир...

В немецкий штаб села Лебединка Петр Гвозденко вошел разгоряченный и с порога бросил:

— Совсем обнаглела эта «комса»!

За столом сидели двое итальянцев. Комендант — майор Ангис и проживающий в селе «гер лейтенант», над кото-

рыми на стене висел портрет Муссолини. Подняв голову лейтенант спросил у Гвозденко:

— Кто это тебя так достал?

Офицер был из бывших русских эмигрантов и прекрасно говорил на русском языке.

— Да, эти колхозные сопляки, — ответил полицай. — Тут такое дело, гер лейтенант, был я сейчас в Маньково, там ночью местная молодежь обстреляла полицейских, ранили одного немца. Сейчас там планируют провести облаву, просят нашей помощи. И вот я еду, смотрю: наша «комса» кучкуется, а этот Олег Дробный постоянно бывает там, да и сейчас, наверное, подойдет. Вот думаю, не связаны ли они с партизанами?

— Все ясно, — проговорил итальянец. — Запрягай телегу, подымай всех, едем в Маньково...

Олег тем временем благополучно добрался до села. И сразу — к Вере, ревниво спросил:

— Сырик был?

— Был, еще вчера, — ответила Вера. — Забрал гитару и ушел.

Они долго разговаривали, то ссорились, то мирились. В конце концов, Олег успокоился, собрался и пошел домой.

Ветер стих, солнце грело спину, под валенками похрустывал снег. Пройдя километра два, он увидел, что навстречу ему едут сани с полицаями, а на лошади, впереди них злополучный Петр Гвозденко. В голове промелькнуло: «Не к добру!»

Как правило, фашисты, полицаи, чувствуя, что скоро начнется наступление советских войск, имели привычку убивать и детей, и взрослых. Олег летом и осенью ходил в солдатской гимнастерке, что страшно раздражало полицаяв. Мать просила Олега не надевать форму. Тем более что был известен случай в селе Белая горка, когда чернорубашечник-итальянец с криком «Русский солдат!» однажды штыком убил одетого в солдатскую форму Николая Алехина. Однако Олег бравировал, упорно не снимал гимнастерку.

...Увидев Олега, Гвозденко поднял карабин и выстрелил, но промахнулся.

Выхватив гранату, Дробный бросил ее в полицаяв. Раздался взрыв, лошадь под полицаем упала. В ответ стали стрелять, Олега ранили в ногу...

К вечеру с избитым и истекающим кровью Олегом полицаи добрались в хутор Попасный. Раненого бросили в школьный погреб, где он пролежал до утра. Вскоре задержали и Владимира Сыроваткина. В подвале уже было несколько человек. Допрашивал их местный полицейский, как потом выяснилось, это был немец, потомок бывших колонистов, дезертировавший из армии под Харьковом.

Вот как рассказывал о допросе Владимир Федорович Сыроваткин: «Немец бросился ко мне и с возгласом: «Был в партизанах!» ударил меня палкой по голове. Подо мною качнулась земля, и я упал на землю. Не знаю, сколько был без сознания, но когда пришел в себя, то ухватился за борт стоявшей рядом кадки с какими-то семенами и поднялся. Увидев это, полицай снова замахнулся палкой, но его остановил итальянский солдат... Потом меня допрашивал итальянский офицер, говорил при этом на чистом русском языке, видимо, из эмигрантов. На одном из допросов меня привели к нему. На полу лежал Олег. Одна нога в валенке, другая перевязана. Он был бледен, видимо, от потери крови. Глаза закрыты. Следовательно подошел к нему и растолкал носком сапога. Олег очнулся, открыл глаза, посмотрел в потолок, потом на следователя. Глаза были мутные, но когда он увидел меня, то принял осмысленное выражение: узнал. Заметив это, следователь подбежал к распростертому телу моего друга и закричал, показывая на меня пальцем: «Был, участвовал!» Олег только что-то прошептал невнятное...»

10 декабря, ночью, немцы схватили Мишу Курдюкова, а утром арестовали Никифора и Кима. Допросы в школе хутора Попасный длились 6 дней. Матери, родственники, рвались туда, просили отпустить ребят. Немцы отгоняли их выстрелами из автоматов, но никто не уходил.

Днем и ночью из школы доносились

крики пытаемых. Как рассказывали очевидцы тех событий, в обморочном состоянии ребят вытаскивали на снег, а когда они приходили в себя, снова волокли в здание, били, ломали пальцы рук, закладывая их в двери.

У Михаила руки почернели, распухли, было разбито все лицо. Так же зверски был избит и Никифор.

— Мне навсегда запомнилось, — вспоминала свидетельница тех расправ, бывшая в те годы еще подростком Ефросинья Никитична Жилиякова, — как однажды выволокли на снег Кима Чеченева. Некоторое время он лежал без движения. Затем очнулся, застонал, сел на снег и, увидев нас, с трудом шевеля разбитыми губами, крикнул: «Прощайте, родные! И не унывайте. Скоро загремит из-за Дона, и наши придут! Отомстите за нас!»

Его схватили и снова потащили в здание школы.

16 декабря немцы неожиданно оцепили все дома, у нескольких жителей нашли спрятанных солдат. Всех окруженцев согнали к школе, начали допрашивать. К вечеру кто-то открыл то, о чем до сих пор молчали ребята: где спрятано оружие. Положение осложнилось. Вечером того же дня был арестован Никита Жилияков. В его доме при обыске были обнаружены автоматы, только без дисков и затворов.

— Как ни уверял, — вспоминал Петр Федорович Жилияков, — что все натаскал я, меня по малолетству не тронули, а брата арестовали.

А ночью на двух автомашинах, под конвоем двух взводов итальянских фашистов четырех комсомольцев и пленных солдат увезли в Чертково.

Там арестованных разместили в двух помещениях. В том, где был Никита Жилияков, находилось несколько незнакомых солдат, а также директор совхоза «Первомайский» М.М. Орловская с дочками Верой и Таисией. Кима Чеченева, Мишу Курдюкова и Никифора Кривобородова поместили в одну камеру, Олега Дробного и Владимира Сыроваткина — в другую.

О допросах в Чертковской тюрьме вспоминал Владимир Сыроваткин: «Допросы велись, как говорят, с пристрастием. Били шомполами до потери сознания, а затем прочитали приговор: «Повесить...»

Дальнейшие события развивались стремительно. Никита Жилияков рассказывал: «17 декабря еще продолжались допросы. Требовали сообщить, кто руководил партизанами. 18 декабря об узниках забыли. До этого камеры охраняли немцы. Затем поставили полицейских. Но те вели себя спокойно, все посматривали в сторону Дона...»

Фашисты так и не узнали, кто руководил отрядом. Они думали уже о том, как быстрее убежать от наступающих советских войск.

Уже через сутки арестованные услышали звуки канонады. Но радость от того, что наступают наши, омрачалась близостью смерти.

В камере их было трое. Окна камеры выходили на север. То и дело полыхали зарницы, а через время доносились глухие звуки разрывов..

— Ох, и больно же бьют... — сказал Ким. — Жаль, что мы не убили Гвозденко.

— Наши наступают, наверное, уже на хуторе, — ответил Никифор. — Может, еще нас освободят, тогда посчитаюсь с ним.

— Видел, как полыхнуло! — восторженно воскликнул Михаил. — Наши уже близко.

Было страшно холодно, кровь застыла на руках и прилипшей одежде.

— Да еще бы чуть-чуть... Но, наверное, нас повесят, — грустно сказал Михаил.

— Давайте споем напоследок, — предложил Ким. — «На опушке леса...»
И они тихо запели:

На опушке леса
Старый дуб стоит.
А под тем дубом
Партизан лежит.
Он лежит, не дышит
И как будто спит.
Только ветер тихо
Кудри шевелит...

— Это про нас будто, — прервал песню Никифор.

До рассвета оставалось уже совсем немного. Михаил бредил. Все чаще всполохи света проникали сквозь тюремную решетку, высвечивая ее крестообразную тень на стене.

Днем во дворе усилилась суета. Немцы грузили имущество. Потом во двор — это было видно из камеры, где находился Никита — вывели со связанными руками Кима, Мишу и Никифора. Посадили в душегубку, и машина выехала со двора.

Как рассказывает документ — докладная первого секретаря Радченского райкома ВКП(б) Якова Ивановича Цыбина, переданная в Воронежский партийный архив, на расстреле Ким Чеченев, Никифор Кривобородов, Михаил Курдюков запели «Интернационал»...

Вскоре немцы и итальянцы ушли с отступающими войсками, а охранники разбежались. М.М. Орловская с дочками Верой и Таисией, Никита Жилияков и другие пленные выломали дверь, освободились и пошли пешком домой. Владимир Сыроваткин и Олег Дробный, узнав, что Мария Орловская с детьми направилась в Маньково, двинулись вслед за ними.

К селу подошли уже ночью. Олег знал, что неподалеку в балке были расположены три склада с горючим и немецкие танки. При этом вокруг складов были густые заросли терна и лозняка. По дороге ребята нашли насколько гранат и решили взорвать склады.

— Пойду я, — сказал Олег. — Отомщу им за все. И за всех...

Владимир остался лежать в укрытии. Фашисты заметили Дробного и от-

крыли по нему огонь. Олег сумел бросить гранаты в сторону цели. Они взорвались недалеко от цистерн, но те уцелели. А Олег снова попал в плен. До самого рассвета его допрашивали с пытками. А рано утром юного комсомольца заставили вырыть под одиноко стоящей яблоней яму. Затем его повесили. Столкнули тело в вырытую яму и присыпали землей. Все это видел один из жителей села Маньково — Петр Андреевич Лазуренко.

Так и не дошел Олег к своей любимой Вере. Сразу после войны М.М. Орловская вместе с детьми уехала в Москву. Жители села и хуторов еще долго выясняли, кто же предал ребят, но и по сей день полного ответа на этот вопрос нет. Правда, впоследствии стало известно, что небезызвестный Сергей Баранников, о котором здесь рассказывалось, оказывается, работал на немцев, за что его после войны арестовали и расстреляли.

Уже после войны в городе Харькове состоялся суд над начальником Радченского гарнизона Торино. На него были вызваны в качестве свидетелей командир Радченского партизанского отряда партии Михаил Иванович Гениевский и мать Ивана Степановича Дегтярева, ей надо было опознать своего мужа. Все в селе знали, что он был повешен немцами. Потом в ходе следствия выяснилось, что партийными документами И.С. Дегтярева воспользовался Петр Гвозденко... Его настигла суровая кара — подобно многим фашистским приспешникам, предатель был казнен...

А за могилой Олега Денисовича Дробного многие годы ухаживала Вера Федоровна Федоренко...